

Предисловие

Русский европеец — понятие двузначное и полярное, ибо подразумевает как русского человека, живущего в Европе, так и европейца, нашедшего себе место под солнцем в России. К первым принадлежат Мария Олсуфьева, Никита Лобанов-Ростовский, ко вторым — Франц Лефорт, целая плеяда иностранных зодчих. Есть еще и смешанные случаи, например, Валерия Даувальдер родом из Енакиево, имевшая гражданство Швейцарии.

Европейцев на постоянном жительстве в России можно назвать русскими иноземцами, а вот соответственно назвать русских в Европе нельзя.

Русские европейцы почти всегда являются носителями двух языков, двух культур, сливающихся в их сознании в единую стихию, своеобразный ареал жизненного пространства на стыке противоборствующих начал. Уже одна поговорка «Что русскому хорошо, то немцу — смерть» ярко отображает их экстремальность. Русский европеец — это особый тип людей с особым складом психики и менталитета. Причем эта безграничность пространства, т.е. ощущение территории, не рассеченной государственными границами, распространяется и на восприятие времени. Потрясения и военные конфликты перекраивают политическую карту мира. И человек, родившийся в одной стране, может оказаться в другой. Ярким примером того является народный барон Э.А. Фальц-Фейн, родившийся в 1912 г. в Российской империи, в Аскании-Нова, которая потом вошла в состав СССР, а далее стала Украиной, а он сам жил во Франции и закончил свой путь в Лихтенштейне. Но места рождения изменить нельзя.

Самым туманным и нестабильным вопросом остается вопрос крови. Мать Л.И. Мечникова, брата Нобелевского лауреата по химии 1908 г., была дочерью пусть не юриста, но зато торговца табачным дымом, звали ее Эмилия Львовна Невахович, отец был румыном. Л.И. Мечников родился в Петербурге, рос в Купянске, уехал в Италию, скончался в Швейцарии, но называл себя славянином. У Паоло Трубецкого мать была американской певицей, отец — русским князем, родился и закончил дни он на севере Италии, где его считают

русским. Упомянутый Фальц-Фейн был сыном немца и дочери русского генерала. Вероятно, приоритет в выборе своего этноса в таком случае принадлежит самоосознанию, изложенному в поговорке «Папа турок, мама грек, а я — русский человек».

Длительное проживание иностранца в России, как и россиянина за границей, накладывает на человека отпечаток, дает новый материал и заряд для их творческой деятельности, и таким лицам, приобщившимся к другой культуре и внесшим в нее свою лепту, в сборнике тоже уделено внимание.

Русские европейцы оставляли на территории своего пребывания прекрасные здания: в России их возводили европейские зодчие, в Европе — русские аристократы; примерами того являются, с одной стороны, Смольный институт в Санкт-Петербурге, Биржа в Одессе, Ресторация в Пятигорске, с другой — вилла Волконской в Риме, усадьба Демидова во Флоренции, дворец Разумовского в центре Вены. Объединяет их тот факт, что возводились все они за счет податей русского народа.

К русским европейцам относятся и Ф.И. Тютчев — венецианец по прадеду, и датчанин из Луганска В.И. Даль, и шотландец по предкам М.Ю. Лермонтов, который в своей исповеди, вложенной в уста героя Золотого века Печорина, должен был признать, что ему «осталось одно средство: путешествовать», однако «только не в Европу, избави, боже!»¹. То есть мир русского европейца полон единства противоположностей, зачастую он живет на чемоданах, сочетает в себе двойную шкалу ценностей, духовных и материальных, и в то же время разрывается между ними. Эта шкала — стоящая особняком школа жизненного опыта, ученики которой становятся гражданами мира, гражданами вселенной, кроной вырастают в небо. Они всегда выделяются из толпы, и для них остается непреложной формула *чужой среди своих, свой среди чужих*. На этой тонкой грани вырабатывается уникальная «Двойного бытия мораль простая: / Черту в самом себе не преступать». Обо всех, о ком здесь повествуется, можно сказать словами поэта Сергея Шматова из вышеприведенного стихотворения, посвященного Тютчеву: «Нес свет и верил в темную Россию». Для этого нужно уметь не только удерживаться, но и эквилибрировать на той невидимой тонкой грани.

В сборник вошли статьи за последние 12 лет почти в том виде, в котором они печатались в основном в швейцарской прессе на тот или иной момент. Иногда они сопровождаются актуальным постскриптумом, продиктованным жизнью, а точнее, смертью. Временем.

¹ Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990, С. 483.